

Литературные направления: **СИМВОЛИЗМ И АКМЕИЗМ**

Презентация к статье Оксаны СМИРНОВОЙ
в журнале «Литература» (декабрь 2011 года).
Издательский дом «Первое сентября»

Символ – это образ, подобный любому другому художественному отражению мира: роза, ветер, гроза – и в то же время в нём к «просто отражению» добавлен некий смысл, превосходящий прямой смысл образа.

Символ – образ, который есть знак, указание на иной смысл; но и знак, наделённый живой полнотой образа.

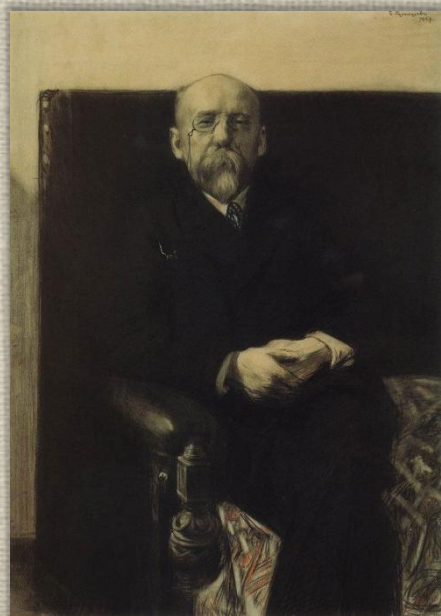
Так сформулировал эту мысль философ **Алексей Лосев**.

Алексей Федорович Лосев (1893–1988)

Главное свойство **символа**, отличающее его от других образов – его принципиальная и практически неисчерпаемая многозначность.

Символ не просто допускает бесчисленное множество толкований – он провоцирует на поиск всё новых и новых значений, скрытых за одним вроде бы конкретным образом.

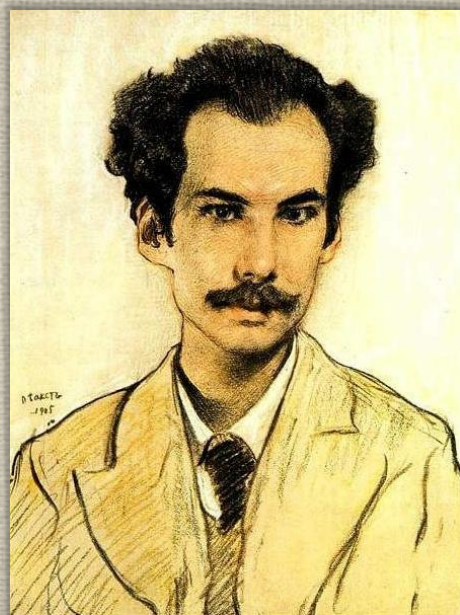
«Символ – это окно в
бесконечность», – считал Федор
Сологуб.

Федор Кузьмич Сологуб (1863–1927).
Портрет работы Б.М. Кустодиева, 1907

Вячеслав Иванов писал, что символ –
это «тайнопись неизречённого» и в
нём должна быть «утаённость
смысла».

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949).
Портрет работы К.А. Сомова, 1906

Андрей Белый (1880–1934).
Портрет работы Л.С. Бакста, 1905

Андрей Белый считал, что в
символе можно выделить три
уровня:

- 1) конкретное жизненное впечатление, «образ видимости», то есть того, что мы, люди, видим своими глазами, слышим ушами и т.п.;
- 2) аллегория: отвлечение от конкретного, обобщение впечатлений;
- 3) образ вечности, знак иного мира, скрытый за зримой оболочкой.

Смысл **символа** нельзя «изъять» из образа, нельзя и понять до конца – можно лишь включиться в игру и расшифровывать его многослойность, насколько хватит «художественной впечатлительности».

Как мы помним, развивать эту «художественную впечатлительность», по мнению **Дмитрия Мережковского**, есть едва ли не главная задача искусства.

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941).
Портрет работы И.С. Репина, ок.1900

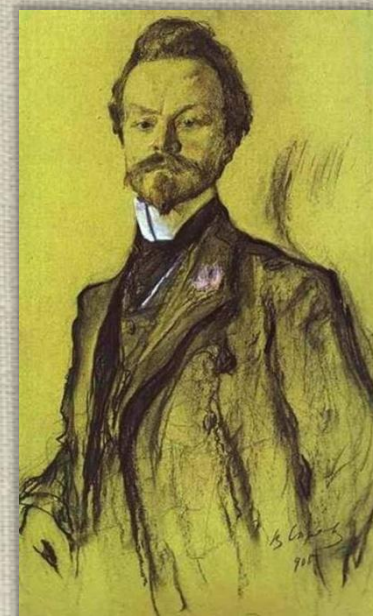

Символизм, по словам **Владислава Ходасевича**, это образ жизни, вечное безумное горение.

Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) .
Портрет работы Ю.П. Анненкова, 20-е годы XX века.

Константин Бальмонт дал своё определение символа – «скрытая отвлечённость и очевидная красота».

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942).
Портрет работы В.А. Серова, 1905

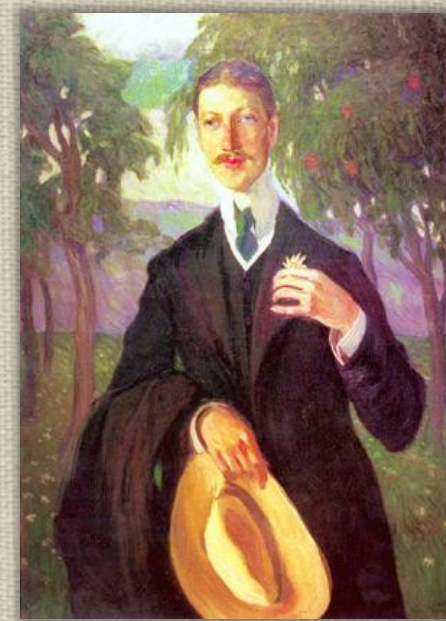
Акмеисты входят в литературу в 1910-е годы.

«**Акмэ**» переводится с греческого как «высшая степень чего-либо», «расцвет», «цветущая пора».

Обложка журнала «Сириус», издаваемого Н. Гумилевым в Париже. 1907 г.

Акмеистов отличал, по словам их «лидера» и идеолога **Николая Гумилёва**, «мужественно твёрдый и ясный взгляд на жизнь».

Николай Степанович Гумилев (1886–1921).
Портрет работы О.Л. Делла-Вос-Кардовской, 1909

Сергей Городецкий писал об отношении акмеизма к символизму так:

«Борьба между символизмом и акмеизмом... есть прежде всего борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время...

<...> У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь ещё».

Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967)

Николай Гумилев и Анна Ахматова вместе с сыном
Львов. 1915 г.

Умение любить
земной мир и
каждую его деталь
«подсвечено» у
акмеистов
ощутимой грустью
скорого
расставания,
«опережающей»
ностальгией.

Неизбежная разлука наложила свой отпечаток на то, с какою остротой и нежностью они переживают каждую мелочь «милрой жизни».

Любование деталями у акмеистов никогда не выглядит мелочным эстетством – его облагораживает скрытая боль близкой разлуки.

Николай Гумилев и Сергей Городецкий. 1915 г.

У каждого поэта это общее свойство проявляется по-своему.

У **Николая Гумилёва** герой –
мужественный воин,
путешественник, искатель
приключений, который смело
смотрит в глаза опасности.

(Слева) Н.С.Гумилев в Африке. Рисунок Н.Э. Радлова.

Герой готов
победить или
умереть – но только
красиво.

Н.С. Гумилев с племянником Н. Сверчковым в Африке. 1913

У **Михаила Кузмина** в стихах оживает Александрия . Поэт, словно каким-то чудом вернувшись в мир, которого уже давно не существует, с щемящей радостью оглядывается по сторонам и видит то, что когда-то было обыкновенным течением жизни.

*Когда мне говорят «Александрия»,
Я вижу белые стены дома,
Небольшой сад с грядкой левкоев,
Бледное солнце осеннего вечера
И слышу звуки далёких флейт.*

Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936).
Портрет работы К.А. Сомова, 1909

В стихах **Анны Ахматовой** через обыденные, «бытовые» детали передаётся внутреннее состояние героини. Простые образы наполнены сложнейшим психологизмом и постоянной грустью, потому что счастье в этом мире уже «не состоится»:

*Ты куришь чёрную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться ещё стройней.*

Анна Андреевна Ахматова (1889–1966)
Портрет работы Н.Альтмана, 1915

Совершенно поразительна любовь к миру,
освещающая изнутри стихи **Осипа Мандельштама**.
Кажется, что для поэта равноценны и самые
обыденные мелочи, и образы, которые у
символиста превратились бы в «просвечивающие
насквозь» символы.

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938)

*Немного красного вина,
Немного солнечного мая,
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна...*